

Никогда не говорю «нет»

Помните времена, когда попасть в Большой театр было почти невозможно - валютный театр, только для иностранцев. Но когда туда удавалось прорваться, казалось, что на этой грандиозной сцене поют и танцуют не обычные люди, а небожители. Потом этот храм искусства стали потихоньку развенчивать, артисты давали откровенные интервью, и вдруг выяснялось, что не все так ладно в Большом. А в последнее время публикации о конфликтах и скандалах в его стенах стали чуть ли не дежурной темой. И конечно, разговор с человеком «оттуда» всегда вызывает интерес. Сегодня наш гость - солистка Большого театра, народная артистка России Ирина Журина.

- Ирина Михайловна, недавно вы получили это высокое звание. Значит, какой-то значительный этап творческой жизни пройден?

- Безусловно, звание - оценка твоей работы. И я благодарна за нее. Без преувеличения могу сказать, что годы, проведенные на сцене Большого, а это без малого двадцать лет - самое счастливое время моей жизни. В моем послужном списке почти все оперные партии для колоратурного сопрано: Виолетта в «Травиате», Марфа в «Царской невесте», Шемаханская царица в «Золотом петушке», Розина в «Севильском цирюльнике», царевна Лебедь «В сказке о царе Салтане»... С 1978 года двенадцать лет я была бессменной и единственной Снегурочкой. Это моя этапная роль, росла на ней не только как певица, но как актриса. Ставил спектакль известный театральный режиссер Борис Равенских. Это оказался спорный спектакль, потому что в памяти певцов и зрителей была прошлая, традиционная, постановка с элементами натурализма. А здесь много условного, да и Снегурочка была необычная, потому что режиссер делал не сказку, а как бы реальную жизнь с человеческими страстями и переживаниями, трагическим финалом.

- А как сегодня складывается ваша творческая жизнь в театре?

- Не могу сказать, что последнее время работаю на сцене Большого театра в том же напряженном ритме. Увы, живу спокойно. Даже - на мой характер - слишком спокойно. Сейчас меняется репертуарная политика. Ставят спектакли для более «крепких» сопрано, и для меня ролей немного. Есть возможность петь какие-то маленькие партии. Но перейти на не совсем выигрышные для моего очень высокого голоса и технически примитивные партии пока не хочу. Поэтому остаюсь на старом репертуаре, но зато это «золотой фонд» театра. Удручают, в основном, частые простои. Соловьев в театре сейчас больше чем достаточно. И все хотят петь хотя бы несколько раз в месяц. Но не получается.

- Невозможность трудиться в полную силу на родной сцене - это основная причина, заставляющая солистов Большого театра колесить по свету в поисках интересной и разнообразной работы. Не так ли?

- Да, конечно, это так. Артист не переносит простоев. Когда регулярно выходишь на сцену, держишь себя в форме, в постоянной готовности. Сейчас этого нет. Другой вопрос, что никого вроде бы из театра не выгоняют, и на том спасибо. Но нет теперь второй площадки, как это было раньше, когда нам отдали сцену Дворца съездов. Ругали мы его тогда по-страшному - зал на шесть тысяч зрителей (в Большом - 2200 мест), петь приходилось в микрофоны, иначе даже в первом ряду ничего не слышно. Но с другой стороны, мы приобщали к большому искусству громадную аудиторию. Да и у нас была постоянная работа.

Сколько лет говорили о возвращении филиала Большого, но сейчас уже окончательно принято решение в пользу Театра оперетты. И теперь обеспечить всех работой (в труппе примерно 140 солистов со стажерами) практически невозможно. Половина спектаклей - балет, половина - опера. В афише у нас где-то 70 опер. А в месяц получается в лучшем случае 10 - 15 спектаклей. Очень любят петь у нас гастролеры. Ну как тут можно обеспечить работой всех певцов? Поэтому после двух - трех месяцев простоя у певицы начинается паника. А зарплата идет. Директору жаловаться бесполезно, ответ будет один: «У нас к тебе претензий нет, отдыхай».

Но я-то волнуюсь, мало того, что теряешь форму - публика забудет о твоём существовании. А руководство считает так: если певица заслуживает внимания - она работу себе найдет на стороне. Можешь ехать куда угодно, петь что угодно, только не устраивай скандала. Вот мы и находим себе работу, но не на любимой сцене. Поешь ты, нет ли - зарплата все та же, и сказать по правде, она мизерна. На Западе, как известно, совсем другая система. Там за спектакль получают такой гонорар, что можно на него жить безбедно несколько месяцев. Естественно, что и у артистов пропадает трепетное отношение к театру, если он не может прокормить артиста не только в творческом, но и материальном плане. А Большой театр - государственная структура и потому нищ. И ты вынужден элементарно зарабатывать на стороне. И не может же требовать певица, чтобы ставили спектакль только на нее, ее вокальные данные. А тот, кто не может жить без того, чтобы не петь на сцене...

Фото Л. ПЕДЕНЧУК.

Но приходится смотреть на сторону не только из-за денег. Самое страшное для певицы, когда его заставляют врасплох. Бывает так. Спектакль не скоро, ты расслабилась, не распевалась три дня, и вдруг... звонок: «Нужна замена. Ты готова?». Какой там готова... И в результате нервный срыв. Для молодой неопытной певицы это трагедия.

- А у вас так бывало?

- О, я прошла очень жесткую школу провинциального театра. Моя карьера началась в Харьковском театре оперы и балета. Там такой, грубо говоря, «расслабухи» и быть не могло. Я свое не упустила никогда. Постоянная борьба за выживание, каждый день доказываешь свое право петь то, что можешь лучше других. В театре выживает более сильный и трудолюбивый. А интриги я категорически не приемлю. Многие меня хотели бы обойти. Но если я бралась за что-то, то делала это лучше и оправдывала доверие. Так было с моей первой премьерой на сцене Большого - «Снегурочкой». Спела ее через десять дней после операции аппендицита. Мне говорили: раньше чем через месяц тебе петь нельзя - швы разойдутся. Нет, сказала, я буду петь премьеру, хирург зашил крепко. И на пятый день уже репетировала. Конечно, они нашли бы певицу на премьеру. Но как я могла отдать год собствен-

ной жизни кому-то? У меня такой жизненный принцип: если кто-то поет лучше - я буду у него учиться, но уж если что-то делаю лучше я... извините. И на сцене Большого я спела все, что только могла. Каждый сезон что-то новое. У нынешних молодых певиц ничего этого нет. В консерватории они в постоянном тренинге, каждый день их тянут, тянут. А в театре никто с тобой сосиститься не будет - выгребай самостоятельно.

- А как вы из Харькова попали в Большой театр?

- Это целая история. Начну издали. С детства обожала петь. Орала непоставленным голосом с неправильным дыханием, пока на меня не обратила внимание руководитель хора.

- Насколько я понимаю, у певицы - каторжный труд. Может, хочется иногда и отдохнуть, как вы говорите, расслабиться, если есть такая возможность?

- Многие так и делают. Но приходится дорого заплатить за такой «отдых» - попросту уйти из большого искусства. Это не для меня. Когда-то я услышала высказывание Елены Образцовой: «Я никогда никому не сказала «нет».

Это очень созвучно моему пониманию творческой жизни певицы. Ритм, заданный себе в начале пути, держит в постоянном напряжении. Простой в театре - значит берусь за любую работу, которую предлагают, и никогда не говорю «нет». Я постоянно работаю над голосом, над репертуаром, прослушиваю записи, словом, учусь. Зато всегда, как пионерка, готова к любому предложению. Мой «багаж» всегда со мной. Так случилось, что

в театре я Чайковского почти не пела, не считая эпизода в «Пиковой даме». Но его романсы есть в моем репертуаре, выучила штук пятнадцать «на всякий случай». Как мне это помогает в концертной деятельности! Очень люблю концерты, хотя это гораздо сложнее, чем спеть оперный спектакль. Вот совсем недавно в Георгиевском зале пела алябьевского «Соловья» во время визита Елизаветы II. Предложили мне, потому что знают - не слабонервная, в обморок от волнения не брякнусь, как бывает с неопытными. А пела вдесяти метрах от королевы и президента, и они аплодировали.

- Пришлось ли вам работать с Борисом Покровским?

- Только в «Мертвых душах» Родиона Щедрина пела Даму приятную во всех отношениях. Это было очень интересно - модерновая постановка. Приходилось больше играть, двигаться, а пение было на втором плане. Покровский давал столько всякой информации, «накидывал» идеи, правда, не особенно зацикливался на звучании. Зато можно было подучиться, он всегда поощрял инициативу. У него, конечно, беспредельная режиссерская фантазия. Это была хорошая школа. Но я все-таки воспитана на классике - итальянской и русской. Я певица Римского-Корсакова, спела все партии для высокого голоса в его операх. Он одарил своих героинь прекрасными вокальными партиями. Это русские характеры, трагические судьбы. После Снегурочки моя коронная роль - Марфа в «Царской невесте». В современных операх почти не пела.

- А как вы из Харькова попали в Большой театр?

- Это целая история. Начну издали. С детства обожала петь. Орала непоставленным голосом с неправильным дыханием, пока на меня не обратила внимание руководитель хора. Пришлось пойти в 15 лет в музыкальную школу, сидела с малышкой, но окончила ее по классу вокала. Хотя такого в детской музыкальной школе нет. А потом поступила в консерваторию. Мои родители, очень далекие от искусства люди, были в шоке. С золотой медалью я могла поступить в любой институт. Певица - разве это профессия? Поначалу ничего не получалось с моим детским голосом. А с третьего курса, когда попала в оперную студию, дело пошло. Окончила с отличием. Затем четыре года в театре. Вышла замуж, родила сына. А жили мы в ужасных условиях. Обещали дать квартиру, но... вдруг в театр приезжают представители Большого отбирать певцов на конкурс, посвященный его 200-летию. В Харькове прослушиваться не стала - струхнула, а

махнула сразу в Москву. Как сейчас помню, я с чемоданом в клетку, пальто в клетку, на лаковых платформах - и с ходу в Бетховенский зал на распевку. Репертуар у меня был что надо. И вот первый тур, в жюри весь цвет Большого - Архипова, Руденко, Огнивцев, Нестеренко, Ведерников. После секретарь мне шепнула: «Возле вашей фамилии точка, это о чем-то говорит». В результате из 130 конкурсантов взяли четверых, меня в их числе. Спустя год я уже была солисткой Большого театра.

- Сейчас слышится много критики в адрес Большого театра. Бесконечные конфликты, репертуар не тот, формы устаревшие. Как оцениваете вы то, что происходит в его стенах?

- Да, слишком много разговоров, слишком много прессы. Конечно, внутренних проблем немало, особенно на уровне руководства. Но, по-моему, это - естественный процесс. Идет ломка старых устоявшихся принципов, и происходит это очень болезненно. Но творческая жизнь кипит, слава Богу, происходит обновление. Для меня главное - заниматься своим делом, а не лезть в интриги и скандалы. При любом руководстве артист может работать, если хорошо делает свое дело. Есть, конечно, вещи, которые не оставляют тебя равнодушным, но это проблемы творческого плана.

Спектакли у нас идут десятилетиями. «Борис Годунов», «Хованщина», «Травиата», «Царская невеста» поставлены Бог знает когда. Происходит лишь обновление исполнителей. А в мире ведь такого нет. Опера идет месяц - два, пока аншлаги, и спектакль исчезает. У нас до недавнего времени аншлаги были всегда. Оправдывает ли себя наша система? Думаю, что да. Наши оперные спектакли - золотой фонд, классика. Люди ее любят. Что же, ставить каждый год что-то новое? Я считаю, что еще не было ни одного спектакля, поставленного заново, который стал бы лучше старого. Для театра будет трагедией, например, если начнут ставить заново «Бориса Годунова» или «Хованщину». «Кармен», на мой взгляд, после переделки стала хуже. А поставили ее Ансимов и Левенталь! Но жизни у нее не было. Она уже не идет. Было несколько случаев, когда спектакли просто исчезли.

- Но ведь спектакли стареют...

- Да, конечно. Вот вам пример - «Травиата» и «Севильский цирюльник». Когда пою в них, я просто физически страдаю, глядя на заштопанные дыры и заплатки в декорациях. Костюмы - лохмотья. Это гнетет и артистов, и публику. Невыносимо смотреть на нищету в театре. Каждая постановка требует громадных средств, а бюджетных денег хватает лишь на зарплату, маленькую зарплату. Сравниваешь новый костюм со старым и

видишь: старые платья намного интересней. Был более качественный материал - жемчуг, камни, ленты - все сверкало, радовало глаз. Скаким восторгом встречает публика панораму коронации или сцену фонтана в «Борисе Годунове!»! Поэтому что роскошно, празднично. Мало нам серости в жизни? Дайте хоть в театре насладиться красотой, а условные, невыразительные декорации не дают ощущения, что ты соприкасаешься с большим искусством.

На мой взгляд, такова новая постановка «Евгения Онегина». Скажу только о сценографии. Раньше, когда открывался занавес в сцене гриминского бала и зрители видели великолепный зал с колоннами, которому не было конца - это было что-то грандиозное, по залу проносилось восторженное «Ах!» А в нынешней постановке этого нет - все как-то невыразительно и убого.

- Не хочется заканчивать на такой невеселой ноте. А что вас радует в Большом театре?

- Радует то, что, несмотря на трудности, Большой театр жив. Ни в одном театре мира нет, например, столько опер Римского-Корсакова. «Млада», «Сказание о невидимом граде Китеже» поставлены не так давно, и публика идет на них с удовольствием. И конечно же, наш «золотой фонд» - это искусство вечно.

Я очень рада тому, что готовится абсолютно новая для нашего театра система контрактов. Что бы там ни говорили, а эта система оправдывает себя. Певцы обязаны чувствовать ответственность перед театром и зрителем, и здоровая конкуренция только выше поднимает планку. Мечтаю о том, чтобы в комиссию, которая будет решать судьбу певцов, входили бы не случайные, а компетентные, объективные, болеющие душой за искусство люди. Это очень важно именно в Большом театре, на который смотрит весь мир.

Обнадеживает то, что к нам приходит новое поколение певцов - с прекрасными голосами, хорошей фактурой, очень работоспособные. Вот только несколько имен. Великолепно исполняет колоратурные партии молодая певица Лариса Рудакова. Я получаю истинное наслаждение от ее «серебристого» сопрано в сложнейших партиях из опер Римского-Корсакова. Настоящим профессионалом уже проявила себя Елена Брылева. Неожиданным открытием для меня стал тенор Николай Семенов, бравший уроки у знаменитого итальянского певца Карло Бергонци. Я репетирую с ним «Травиату». И скажу честно, о таком Альфреде мечтала всю жизнь.

Значит, у Большого театра есть будущее. И я в него верю всей душой.

Ирина ШВЕДОВА.